

Собака и её коллекция

Кто-то не может выйти на улицу без кроссовок. С яркими шнурками. Кто-то — без рюкзака. С леденцами. Или без кепки. Задом наперёд. А одна собака с младых когтей обожала выгуливать палки. Длинные и короткие, толстые и тонкие, с сучками и без. Кленовые. Рябиновые. Сосновые.

Собственно, кроме коллекции палок под кустом сирени у этой собаки ничего не было. Ни будки, ни лежака. Ни миски с водой, ни косточки. Ни поводка с хозяином.

Вернее, хозяин вначале был. Но потом собака, будучи резвым щенком, нечаянно погрызла его любимые тапки. Хозяин тогда глубоко задумался... И понял, что тапки любит всё-таки сильнее собаки. Поэтому их он оставил. А собаку отправил. С глаз долой, из дома вон.

С тех пор, а именно с весны собака бродила по городу, не находя себе места. С опущенным хвостом и печальными глазами. И время от времени притаскивала под сиреневый куст очередную палку. Должна же она была хоть чем-то себя порадовать!

Палка со скамейки

В тот летний день собака сидела, сторожа свою коллекцию. У куста вместо будки. Как вдруг её потянул за нос запах чудес. А чудеса, если кто не знает, пахнут печеньем и шоколадом. Следом чей-то звучный храп развернул собакины уши.

На скамейке за сиренью храпели пыльный дорожный плащ и синий колпак. С длинными усами и густой бородой. То спал волшебник. Конечно, он прилёг передохнуть часок-другой. От волшебных дел. И накрылся плащом и колпаком. Тем самым, из сказок — думательным, со звёздами. Будто куполом ночи.

Рядом с обветренной рукой чародея вытянулась очень красивая полированная палка. Тут большие глаза собаки и вовсе стали по сливе. «Ав ты! — подумала она. — С этакой я ещё не гуляла».

Взяла палку со скамейки. И побежала с ней в зубах. На прогулку.

Осторожно! Желания исполняются

В одном из дворов собака приостановилась. Полюбоваться на своё новое приобретение о двух концах. Опробовала его на проверочный зуб. Облизнула...

— Смотри, Витёк! — загомонил белобрысый мальчик с выбивалки для ковров. — Какая крутая палка!

— Слушай, Санёк! На ней что-то написано, — рассмотрел пегий мальчик с толстой ветки ясеня. — До чего буквы чудные! В серебряных завитушках...

Оба враз спрыгнули на газон. И вслух зачитали по слогам. Не очень внятно, но ведь слух у собаки был собачьим суперслухом.

«Осторожно! — предостерегала надпись на вылизанном конце. — Волшебная палочка».

«Внимание! — гласила надпись на пожёванном конце. — Желания исполняются».

Витёк и Санёк, пихая друг друга перепачканными локтями, зашептались:

— Я пугаю собаку...

— ...а я хватаю палку!

— Р-р-р, только отберррите! — грозно рыкнула собака.

И покрепче схватив волшебную палочку, махнула ею.

— Чтоб им, шалопаям, гав! — отлаяла она мальчиков. — На самом кошачьем месте оказаться...

— Ма-а-ама!!! — заорали на весь двор Санёк и Витёк.

С крыши многоэтажки.

Вокруг дома сразу собралась толпа. В толпе кто-то крикнул:

— Вызываем спасателей!

Через три минуты мимо собаки промчалась ярко-алая машина. С гудящей мигалкой. Из машины выскочили люди в касках, раздвинули многоэтажную лестницу. И полезли на крышу. Как на пожар.

Когда перепуганные охотники за полированной палкой очутились в объятиях у мам, собака почесала за ухом задней лапой. И обнюхав надписи на полировке, встряхнулась.

— Ав ты, чего сгоряча нажелала!

Очень большое желание

Едва мальчуганов увели со двора, у собаки тоскливо заскулило в животе; «Ау, косточка к завтракууу! Ау-у, косточка к обедууу!»

Впрочем, собака часто пропускала свой завтрак. И обед — тоже. Не потому, что сидела на диете. Просто взять с листьев лопухов вместо тарелок было нечего. Вот и сейчас перед её голодным носом валялась лишь палка.

— Ав ты, она же волшебная! — схватилась за полированную палку собака.

Чтобы не медля позавтракать. А затем сразу отобедать. И после поужинать. Заранее. На несколько дней вперёд.

— Гав! — махнув палкой, гавкнула собака на газон. — Косточку бы сюда!

А потом, облизываясь, добавила:

— Гау-гау, не маленькую. Точнее, очень большую, то бишь огромную. Или, проще сказать, громадную...

В тот же миг земля у неё под лапами задрожала, и в газоне образовался глубокий провал. Вокруг провала снова собралась толпа. В толпе кто-то крикнул:

— Ух ты, там бивень мамонта!

Через минуту мимо собаки пронёсся эвакуатор. Из кабины выскочили люди в перчатках, повернули к бивню кран-манипулятор. Ловко погрузили. Так, что собака даже пробу снять не успела. И повезли к краеведческому музею. Как ценный экспонат.

Собаке оставалось только бежать по пятам, вздыхая в облаке выхлопных газов.

— Фу ав, чего с голоду нажелала!

Очень мокрое желание

Собака мчалась вдоль обочины, пока не запыхалась. Отстала от бивня с эвакуатором. Показала длинный язык жаркому солнцу. И ей тут же захотелось пить.

— Ав ты, а палочка-то выручалочка на дворе осталась! — вспомнила она.

Рванула собака со всех лап обратно. Через осколки разбитого фонаря. Блестящие, словно брызги. Разыскала в траве полированную палку. По запаху печенья и шоколада. Помахала ею. И залаяла на ветер:

— Гав! Гав! Гав! Прилети вода из ковша! А к нему б ещё из ведра. Нет, из стольких вёдер, сколько осколков было под битым фонарём...

Откуда ни возьмись, над двором нависла туча. Грузная как бочка. И забурлил ливень невиданной силы.

Вымокла собака с носа до последнего репья на хвосте. Да только по носу текло, а в пасть не попадало. Зато попало в незасыпанный провал, оставшийся от бивня мамонта. У окон по ту сторону подоконников быстро столпились жильцы. С балкона кто-то крикнул:

— Обалдеть! У нас во дворе настоящий пруд распрудился!

После ливня мимо собаки лавиной хлынули любопытные резиновые сапоги. Затолкали друг друга. На левую переднюю собакину лапу наступили. Так, что она даже полдождинки почерпнуть языком не успела.

Подобрала собака с газона мокрую палку. И затрусил на пустырь. Похрамывая и отряхиваясь на ходу.

— Уй ав, чего от жажды нажелала!

Очень зелёное желание

Пустилась собака бродить по колдобинам пустыря. Взад-вперёд. Устала до кончика хвоста. Примостилась у столба. Посреди палящего зноя. Положила голову на камень вместо лежака. Да спохватилась:

— Ав ты, у меня же волшебная палочка под боком!

Взмахнула она полированной палкой. И авкнула на весь пустырь:

— Авк! Появись здесь лежак. Зелёный, мягкий. С ароматом трав. И с навесом. Натуральным, древесным...

Зашелестело со всех сторон, зашуршало. На дороге справа чуть не столкнулись лоб в лоб автомобили. Кто-то, громко библикая, крикнул:

— Смотрите все! На пустыре-то роща!

Новость реактивным самолётом облетела город. Через четверть часа в зелёную берёзовую рощу мимо собаки повалили толпы грибников-шашлычников. За ними роем спикировали крылатые захватчики, ноя на все лады:

— Стояла роща грузди-и-иной — станет комари-и-иной!

Захватили в плен собакин нос. Атаковали уши и лапы. Так, что у собаки даже хвост отдохнуть не успел.

Вскочила собака с мшистой душистой подстилки. Зачесалась и зачихала.

— Чху ав, чего от усталости нажелала!